

## ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ДИСКУРСЫ: ПРОГРАММА СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

.....

Е.А. Кожемякин<sup>1</sup>

### Зачем изучать институциональные дискурсы?

Исследователь институциональных дискурсов работает в ситуации высокой методологической неопределенности и интенсивного «интереса эпохи» (М. Вебер) к предмету.

Во-первых, современные социально-гуманитарные исследования, так или иначе затрагивающие дискурсную проблематику, отличаются высокой степенью неоднородности, ибо все еще не выработано общего, устраивающего всех определения дискурса, не построено единой модели дискурса, не сформированы общие взгляды на условия и цели применения дискурс-анализа. И тем не менее, несмотря на подобную методологическую неоднозначность, дискурсные исследования приобретают значимый академический статус, их результаты широко используются в научном и общественном контекстах.

Во-вторых, осознается потребность в изучении совместимости различных институциональных дискурсов (особенно в контексте «оптимизации общественных институтов»), но при этом практически отсутствуют исследования на эту тему. Так, например, важно было бы выяснить степень соответствия официальных педагогических «texts and talks» основным политическим постулатам современных государств или проанализировать механизм согласования юридической дискурсной практики с основными положениями медицины, касающимися воспроизводства социальной эксклюзии и социального неравенства, как это делал в свое время Мишель Фуко. Однако, к сожалению, за исключением результатов работы некоторых исследовательских групп (журналы

---

<sup>1</sup> Кожемякин Евгений Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры языка и стили массовых коммуникаций Белгородского государственного университета. Электронная почта: dva@bel.ru, kozhemyakin\_evge@mail.ru.

Статья принята к публикации 21 марта 2007 г.

«Discourse and society», «Discourse and communication», «Discourse studies» и др.), подобные исследования крайне редки в современной науке. Правда, сам анализ институционального дискурса в рамках каждой дисциплины порождает специфическое дискурсное явление, что ставит новую задачу – изучать механизмы перевода научного дискурса в метадискурс экспертов.

В-третьих, актуально изучение коммуникативных эффектов дискурсов в общественных институтах: распространенным является непонимание людьми языка, текстов, контекстов медицинского, юридического, политического, педагогического дискурсов, интенций их участников, что представляет собой парадоксальную ситуацию, поскольку, казалось бы, понимание сообщения и адекватной реакции на него полагается в качестве главной задачи этих дискурсов.

И наконец, интерес к институциональным дискурсам вызван оформившимся рассогласованием между теорией и практикой дискурс-анализа. Стремительное развитие исследований дискурса привело к ситуации, которая характеризуется чрезмерным эмпиризмом: на сегодняшний день накоплен значительный комплекс данных эмпирических исследований, которые сложно генерализировать средствами универсальной теории. Собственно, речь идет именно о необходимости теории, обобщающей данные междисциплинарных исследований. Слабое или искаженное представление самих исследователей о целях дискурс-анализа, которое часто постулируется как «синдром» современных исследований дискурса, является результатом именно нехватки теории. Целеполагание в дискурсных исследованиях может быть квалифицировано как «слабое» в тех случаях, когда оно не дает нам никакого понимания относительно концепции исследования, включая осмысление роли дискурс-анализа и его операционализации в рамках конкретного исследования. Довольно часто дискурс-анализ и сама категория дискурса искусственно применяются в исследовании в силу некоторой тенденции, своего рода академической моды. Кроме того, нередко признанные и распространенные критические методы, принадлежащие слабым научным теориям, становятся синонимом процедур дискурс-анализа, а это ведет к сомнению в научной значимости и ценности этого подхода. К сожалению, часто забывают, что виной этому может быть сама теория, но не дискурсивный подход. Иными словами, дискурс-анализом обозначают то, что таковым по своей сути не является. Прочитируем Тойна ван Дейка: «Анализ дискурса – это научный анализ только в том случае, если он основан на более или менее эксплицитных целях, методах и теориях. Довольно часто создание “здоровых” комментариев к фрагментам текстов или речи не имеет никакого отношения к дискурс-анализу. В действительности же весь исследовательский проект должен заключаться в проникновении в суть структуры, стратегии или иных составляющих дискурса, что не может быть осуществлено с позиции наивного реципиента» [11, р. 5–6]. Примечательно, что спустя десять лет Т. ван Дейк в редакционной статье, по-

мещенной в первом номере его нового журнала «Discourse and Communication», лишь усиливает свою позицию и настоятельно рекомендует всем занимающимся дискурс-анализом основывать свои исследования на твердой теоретической почве [10, р. 7].

Предварим дальнейшие рассуждения терминологическими пояснениями. В нашем понимании *дискурс* – это произведенная в определенных исторических и социальных рамках, особым образом организованная и тематически сфокусированная последовательность высказываний, рецепция которых способна повлиять на модели субъективного опыта человека, его внутреннюю репрезентацию мира, убеждения и поведение.

Обратим внимание на то, что, с одной стороны, дискурс представляет собой именно *последовательность* высказываний, а не их статическую структуру, с другой стороны, эта последовательность *обусловлена* как внутренними, так и внешними факторами. Подчеркнем динамичность и нормативность дискурса; последний – это не столько результат человеческой деятельности, сколько сама деятельность; не столько структура высказываний, сколько предписания к их структурированию в определенных условиях.

В соответствии с приведенным определением дискурса, *институциональный дискурс* мы будем понимать как дискурс, осуществляемый в социальных институтах, «общение в которых является составной частью их организации» [8, с. 42]. Очевидно, что общение – значимый процесс для всех сфер общественной жизни, однако, в данном случае речь идет не о передаче информации как основной функции общения, а об институционализации и легитимации социальных отношений. Иными словами, главной особенностью институционального дискурса является не сообщение о чем-либо, не семиотическое «отражение» объективности, а конструирование социальных смыслов; дискурс выступает не в качестве инструмента отражения, выражения, означивания, а в качестве «режима работы», или способа бытия института. В этом своем качестве наиболее значимыми институциональными дискурсами предоставляются *политический, медицинский, юридический, педагогический*. В рамках этих дискурсов семиотическая деятельность может быть рассмотрена как элемент их структуры (например, лекции в педагогическом дискурсе), в качестве инструмента выражения основных идей, принципов и ценностей (например, законы в юридическом дискурсе). Однако в институциональных дискурсах все большую значимость приобретает конструктивистский аспект семиозиса, который предполагает конструирование и реконструирование социокультурной реальности.

Под институтом мы понимаем «совокупность устойчивых формальных и неформальных норм и правил, регулирующих определенный круг общественных отношений» [6, с. 370]. Институциональный дискурс как предмет изучения является не столько структурной организацией элементов, сколько сово-

купностью норм их (элементов) взаимодействия (или, говоря языком Фуко, «системой правил рассеивания» [7]). Предлагаемая в данной статье модель институционального дискурса – это не более чем аналитический инструмент, который можно использовать при решении ряда задач.

Во-первых, это анализ форм презентации субъектов института, т. е. тех способов семиотического выражения участников института, которые закреплены, распространены и признаются в качестве необходимых в институциональных границах (например, обращение президента к гражданам, выступление оппонентов на защите диссертации или объявление учителем оценок классу). Во-вторых, это изучение дискурсных способов социальной дифференциации, т. е. распространенных и закрепленных в коммуникативно-языковом пространстве способов воспроизведения и создания различий между группами (например, специальная институциональная лексика – «двоечники», «одаренные студенты», «коррупцированные чиновники»). В-третьих, это исследование процессов означивания и легитимации значения тех или иных общественных отношений (например, законотворческая практика или научная диагностика). В-четвертых, это квалификация дискурса, уточнение (или обнаружение) его специфических (жанровых) свойств, что важно в контексте отличия одного типа дискурса от другого (например, науки от идеологии). И наконец, в-пятых, это сравнение дискурсов различного типа на предмет их (не)противоречивости и (не)совместимости.

Первые три задачи предполагают анализ процесса конструирования и реконструирования института. Данный процесс мы понимаем как исключительно дискурсивный, т. е. такой, в котором семиотическая деятельность может замыкаться на себе (что наиболее очевидно в политическом дискурсе, где единственно значимой и важной деятельностью является именно создание и распространение высказываний, порождающих другие высказывания и т.д.) или вести к появлению соответствующих действий (т. е. тех, которые постулируются самим дискурсом, таковы, например, законы в юридическом дискурсе, образовательные и воспитательные программы в педагогическом дискурсе, социальные проекты и программы в политическом дискурсе, предписания и рецепты в медицинском дискурсе). Эффектом этого дискурсивного процесса является производство определенных социальных, экзистенциальных и прочих смыслов.

Очевидно, что столь сложный предмет анализа, как институциональный дискурс, не может быть рассмотрен исключительно в одной параметральной плоскости (например, «адресат – адресант» или «текст-контекст»). На наш взгляд, только построение общей модели институциональных дискурсов позволит, во-первых, обнаружить спецификацию каждого из них и, во-вторых, провести сравнительный анализ дискурсов.

## **Сравнительное дискурс-исследование на основе моделирования. Модель институционального дискурса**

Исходя из рассмотренных трактовок дискурса [3], можно выделить следующие его аспекты:

- а) синтаксические и стилевые характеристики языка дискурса;
- б) семантика языка дискурса (способы связи знаковых форм языка дискурса с их предметными значениями, связи языковых выражений по их смысловому содержанию);
- в) прагматика дискурса (типологические характеристики возможных адресатов (реципиентов) и адресантов (авторов) дискурса, разновидности его коммуникативных тактик, цели и задачи речевых актов);
- г) дискурсная рефлексия (наличие двух уровней речи (языка): высказывания об объектах внетекстовой реальности – предметный дискурс; высказывания о языке, тексте, смысловом и предметном содержании – метадискурс).

Из этого видно, что дискурс является предметом межпарадигмального и междисциплинарного анализа, поскольку только комбинация трактовок дискурса (а, соответственно, и подходов к его изучению) позволяет рассмотреть все его аспекты.

Основная задача научной теории дискурса – построение унитарной (единой) матрицы (модели) дискурсивной деятельности, представляющей собой систему коррелятивных параметров этой деятельности. Ясно, что такая модель должна быть многоаспектной и многопараметральной, поскольку дискурс – это многослойный, многоуровневый и многофакторный феномен: языковой, речевой, психический, когнитивный, социальный. Поэтому решение этой задачи предполагает осуществление комплексного (междисциплинарного) исследования методами и средствами лингвистики, семиотики, теории речевой коммуникации, когнитивистики, социологии, теории аргументации, логики, методологии и философии языка.

Мы предлагаем рассматривать дискурс в системе его основных параметров (переменных) и индикаторов (значений), то есть как некоторую модель. Моделирование дискурса, на наш взгляд, позволит выделить *differentia specifica* того или иного институционального дискурса.

Известные модели дискурса, например, когнитивные модели ван Дейка [9] и О. Йокояма [1], презентационная модель В. Карасика [2] и А. Олянича [5], политическая модель Э. Лаклау и Ш. Муффа [13; 14], критическая модель Н. Фэрклоу [12] и другие, в той или иной степени базируются на теории археологии Фуко. То есть в указанных моделях выстраивается система определенной дискурсивной формации или систематизируются некоторые аспекты дискурса. Поэтому следует, скорее, говорить о существующей модели анализа системы производства знания, модели анализа презентем в дискурсе, модели

политического дискурса, модели анализа социального дискурса и т.д. В то время как фукольтианская теория дискурса предполагает моделирование систем рассеивания и форм распределения знания (т. е. моделирование открытой системы, предполагающей динамику значений переменных, модуляции спектра индикаторов), существующие модели скорее концентрируются либо на выявлении и описании, либо на упорядочивании элементов, относящихся к той или иной области функционирования дискурса. Безусловно, такое моделирование имеет крайне важное исследовательское значение: анализ тех или иных «дискурсивных пульсаций» позволяет в итоге создать общую картину дискурса и его функционирования. К сожалению, такого генерализованного видения дискурса современные социально-гуманитарные науки ещё не выработали, что также относится и к теории дискурса Мишеля Фуко. Вклад Фуко в анализ *оснований* и *условий* дискурса представляет собой тот базис, на котором, вероятно, и должны выстраиваться методологические модели дискурсного анализа.

Далее мы предложим открытую, полипараметральную, унитарную модель дискурса. Данная модель основана на системе параметров и значений, представленных в указанных моделях, и представляет собой опыт их комбинации.

Мы относим к основным *переменным* дискурса следующие: 1) телеологический параметр (цели дискурса); 2) онтологический параметр (природа реальности и объектов, номинируемых в дискурсе); 3) язык; 4) когнитивный параметр (формы и методы познания, конструирования и воспроизводства знания); 5) контекстный параметр (типы контекста, в которых реализуется дискурс); 6) текстовый параметр (типы текстов, воспроизводимых в дискурсе); 7) коммуникативный (характер прагмалингвистических отношений).

Рассмотрим индикаторы каждой переменной.

1. *Телеологический параметр* подразумевает следующие цели дискурса:

- а) описание – построение дискурса относительно реального (истинного, объективного) положения вещей;
- б) интерпретацию – построение дискурса относительно понимания положения вещей, относительно смыслов;
- в) праксис – построение дискурса относительно технологии изменения положения вещей;
- г) диагностику – построение дискурса относительно (обнаружения) существенных качеств (свойств) положения вещей;
- д) нормирование – построение дискурса относительно идеального или желаемого положения вещей;
- е) прогноз – построение дискурса относительно прогнозируемого положения вещей.

Очевидно, что каждый дискурс обладает определенным набором целей, некоторые из них являются конститутивными. Так, например, политика преследует и описательные, и аргументативные цели, однако нормирование является приоритетом при построении соответствующего типа дискурса.

2. *Онтологический параметр.* Имеются в виду типы объектов, существование которых постулируется системой гносеологических абстракций дискурса, виды детерминации одних объектов другими, способы существования этих объектов. К примеру, предметную область естественнонаучного дискурса составляют материальные объекты с физическими, химическими и биологическими формами взаимодействия; гуманитарного дискурса – системы социокультурных смыслов и ценностей, возникающие на их основе межличностные и групповые отношения; логико-математического – абстрактные структуры, имеющие дефинитивную природу и логическую детерминацию.

3. *Языковой параметр* включает в себя:

— речевые акты (десигнаторы, прескрипторы, комиссивы, экспрессивы, апрейзоры);

— языковые средства (экспрессивные и понятийные).

Связь между тем или иным типом речевого акта и целью дискурса не всегда очевидна, а в некоторых случаях отсутствует: так, например, некоторые «мягкие» пропагандистские дискурсы (реклама) часто используют не комиссивы, как можно было бы ожидать, а десигнаторы и апрейзоры.

4. *Когнитивный параметр.* К нему мы относим формы и методы реализации дискурсом познавательных целей – описание и объяснение фактов, формирование и обоснование гипотез, прогнозирование, а также логические средства дискурса. Несложно усмотреть различия в способах обоснования, характерных для дискурса эмпирических наук (физики, биологии, социологии), с одной стороны, и формальных (логики, математики) – с другой; в моделях объяснения фактов в гуманитарном и естественнонаучном дискурсах; в логических принципах дискурса классической и интуиционистской математики и т.п.

5. *Контекстный параметр* (типы контекста):

— экзистенциальный мир лично значимых для коммуникантов объектов, состояний и событий, к которому относится то или иное высказывание дискурса;

— грамматический мир дискурса, характеризующийся формальными и смысловыми связями между высказываниями;

— ситуационный мир деятельности, общения, статусно-ролевых отношений;

— психический мир ментальных и когнитивных явлений, ответственных за программу дискурсивной практики.

6. *Текстовый параметр* подразумевает, что в дискурсе воспроизводятся следующие типы текста:

- нарративы – текстовые единства, основанные на последовательности изложения, структура которого становится определяющей в отношении смысла текста, а не природы и специфики элементов структуры;
- тезисные тексты, в которых смысл достигается и поддерживается за счет ценности каждого отдельного высказывания;
- референциальные тексты, воспроизводящие смысл, поддерживаемый другими текстами;
- панорамные тексты, локализирующие смысл на генерализованной дескрипции действительности.

7. *Коммуникативный параметр* учитывает:

- статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики участников общения;
- условия общения (среда, фоновые знания, прецеденты коммуникации);
- стратегии общения (мотивы, цели, контроль общения);
- способы общения (канал, режим, стиль и жанр общения).

Изучение этих параметров позволяет ответить на вопрос о том, что (какие параметры и их значения) специфицирует дискурс. Так, для исследователя принципиально важно определить характерные черты научного дискурса в его сопоставлении с дискурсом политическим, особенно в контексте различения науки и идеологии; или же квалифицировать тот или иной текст как медицинский или юридический в контексте оперирования медицинской экспертизой в юридической практике.

Представляется необходимым выделить как минимум два способа решения проблемы спецификации дискурсов. Во-первых, это количественный поиск коррелятов между индикаторами параметров дискурса. Например, комбинация нормирующей цели, социальной предметной области, экспрессивных языковых средств, эмпирической аргументации, ситуативности, тезисности и статусно-ролевых коммуникативных характеристик участников общения позволяет идентифицировать политический тип дискурса. Соответственно, изменение одних параметров приводит к трансформации других, что меняет тип дискурса в целом. Исследовательской задачей является диагностика параметров дискурса и корреляционный анализ их значений. В качестве значений параметров (и субпараметров) будут фигурировать: а) их наличие либо отсутствие; б) их частотная характеристика в анализируемых текстах. Однако подобный процесс квантификации коррелятов дискурса сопряжен с рядом методологических трудностей, главные из которых – обнаружение факторных коррелятов (т. е. тех параметров, изменение которых неизбежно приводит к из-



менению состояния всего дискурса), изучение границ дискурса того или иного типа («поля рассеивания значений», по М. Фуко), проблема совместимости шкал измерения различных параметров дискурса (например, анализ языкового параметра будет предполагать использование преимущественно ранговых шкал, в то время как анализ онтологического параметра – номинальных). В связи с указанными трудностями обратим внимание на другой способ идентификации типа дискурса.

Во-вторых, качественный анализ векторной направленности дискурса. Исходя из того, что границы дискурсов эмпирически не фиксированы, явно не маркированы и размыты, можно предположить, что дискурсы существуют не в форме соприкасающихся плоскостей, а в динамичной форме векторов, направление каждого из них задано некоторой *проблемой*. Иными словами, дискурс возникает из рассогласования, затруднения, несоответствия, возникающих в ходе познания. Векторность дискурса предполагает наличие определенного поля рассеивания возможных ответов на ключевые вопросы и постановки новых вопросов. Для каждого типа дискурса характерна своя практика различения и своя стратегия проблематизации. Собственно специфика дискурса задается в первую очередь характером и природой этого первичного рассогласования, различения, практикой противопоставления объектов и их типов. Так, например, базисными рассогласованиями в идеологическом дискурсе будет противопоставление «своих» и «чужих», «власти» и «народа», «идеи» и «реальности», в то время как в медицинском – «норма» и «патология», «тело» и «дух», «вред» и «польза». В соответствии с тем, *что является ключевой проблемой дискурса, как в нем осуществляется проблематизация и как распределяются в дискурсивном поле возможные ответы на главные вопросы*, все перечисленные параметры дискурса начинают функционировать в определенном режиме: например, проблема профилактики патологий организма в медицинском дискурсе предопределяет такие значения параметров, как использование понятийных языковых средств, специальных условий общения, создания ситуационного или экзистенциального контекста и т. д. Таким образом, исследователь осуществляет глубинный анализ дискурса с целью; а) поиска проблемы как интегрирующего дискурсивного фактора; б) идентификации способов проблематизации; в) спецификации параметров дискурса в соответствии с определенной проблемой.

На наш взгляд, сочетание первого и второго способов поиска специфических черт дискурсов различного типа не только возможно, но и желательно. С одной стороны, процедура квантификации параметров дискурса позволяет исследователю в определенных случаях обнаружить ключевую проблему, специфицирующую дискурс, особенно в тех случаях, когда ключевая проблема имеет латентный характер. С другой стороны, качественный глубинный анализ проблемы дискурса позволяет исследователям диагностировать дискурсивные

механизмы ее решения в контексте параметров дискурса (например, ответить на вопрос, действительно ли используемые в дискурсе языковые средства или коммуникативные характеристики способствуют (не препятствуют) решению ключевой проблемы). Так, применение этой модели к изучению тех или иных дискурсов предполагало бы следующее содержание исследовательского процесса:

– количественный формально-статистический анализ дискурса (поиск регулятивов, т. е. повторяющихся, воспроизводящихся значений и смыслов, зафиксированных с помощью тех или иных базовых для анализируемого дискурса категорий);

– качественный анализ направленности (векторности) дискурса (поиск уникальной проблемы, на решение которой нацелен дискурс, и диагностика дискурсных механизмов ее решения).

\* \* \*

Итак, предложенная дескриптивно-квантитативная матрица может быть использована для спецификации дискурсов. Эта матрица включает интегрирующую (скрепляющую) дискурс проблему<sup>2</sup> и семь дискурсных параметров: онтологический, телеологический, языковой, когнитивный, текстовый, контекстный, коммуникативный. Каждый из этих параметров конкретизируется с помощью специального списка индикаторов.

К примеру, языковой параметр может быть связан с наличием или отсутствием в тексте ключевых для конституирующей дискурс проблемы, ассерторических и модальных высказываний; онтологический параметр – со способами существования объектов и видами их детерминации; когнитивный – с разнообразием форм и методов мыслительной деятельности, логических принципов; коммуникативный – с двуполюсностью речевой коммуникации и типами коммуникативных тактик и т.п.

Корреляционный анализ, метод экспертной оценки, а также качественные интерпретативные методы позволят классифицировать дискурсы, уточнить их жанровые<sup>3</sup> особенности и межвидовые связи, проанализировать возмож-

---

<sup>2</sup> Здесь мы еще раз обращаем внимание на то, что дискурс скрепляется именно проблемой, а не топикой, или темой. В основании дискурса полагается не тема, а рассогласование, разлад, противоречие. Топика возникает впоследствии как поле возможных высказываний о каком-либо предметном множестве, которые направлены на разрешение противоречия.

<sup>3</sup> Литературные жанры «не являются элементами какой-либо предзаданной системы: наоборот, они возникают как точки сгущения напряженности в том или ином месте литературного пространства, в соответствии с художественными задачами, здесь и сейчас ставящимися данным кругом авторов» [4]. В соответствии с этим определением новый жанр может появиться всякий раз, когда в литературном пространстве образуется круг авторов, ставящих определенные художественные задачи. Иначе обстоит дело с институциональными жанрами, поскольку институты воспроизводят свои знаковые единства по определенным правилам, чтобы каждое институциональное действие было предсказуемым.

ности и перспективы междискурсивной коммуникации (например, между носителями институционального и бытового дискурсов) и междискурсивной совместимости. На основе предлагаемой стратегии компаративного анализа институциональных дискурсов можно будет чётко провести границу между политическими и научными текстами, выяснить перспективы понимания коммуникантами медицинских или юридических текстов, обнаружить принципиальные связи между юридическим и политическим дискурсами, диагностировать возможности внедрения медицинских суждений в педагогический дискурсивный корпус и т. д.

Реализация этого проекта позволит также осуществлять диагностику дискурсивных практик, совершенствовать их методiku, повышать их коммуникативную и познавательную эффективность, социальную значимость.

### **Библиографический список**

1. *Йокояма О.* Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005.
2. *Карасик В.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
3. *Кожемякин Е.А.* Дискурс-анализ в современном социально-гуманитарном знании // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3.
4. Литературные жанры // <http://www.dictionnaire.ru/article/35/80/39/>
5. *Олянич А.В.* Презентационная модель дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004.
6. Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т. 1.
7. *Фуко М.* Порядок дискурса: инаугурационная лекция в Коллеж де Франс 2.12.70 // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996.
8. *Шейгал Е.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
9. *Dijk T. van.* Discourse and Communication: A New Journal to Bridge Two Fields // Discourse and Communication. 2007. Vol. 1. № 1.
10. *Dijk T. van.* Discourse as Social Interaction: a Multidisciplinary Introduction. L.: Sage, 1997. Vol. 1.
11. *Dijk T. van.* Editorial: Analyzing Discourse Analysis // Discourse and Society. 1997. Vol. 8. № 1.
12. *Fairclough N.* Critical Discourse Analysis. L.: Longman, 1995.
13. *Laclau E.* The Death and Resurrection of the Theory of Ideology // Journal of Political Ideologies. 1996. Vol. 3. № 1.
14. *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. L.: Verso, 1985.